
Рита Ардєн
Пепел драконьего сердца.

Рита Арден

Пепел драконьего сердца

«Автор»
2026

Арден Р.

Пепел драконьего сердца / Р. Арден — «Автор», 2026

Меня зовут Анна. Я реставратор холодного оружия — привыкла возвращать жизнь клинкам, а не людям.Но одно прикосновение к ancient шашке — и я оказалась там, где под пеплом и камнем спит стальной дракон, а память металла говорит громче живых голосов. Я могу пробуждать эту память. Только за каждое восстановленное воспоминание плачу собственной жизнью.И есть Кайрен. Он появился слишком вовремя. Знал слишком много. И от него невозможно отдалиться — даже когда каждое слово требует не верить.Говорят, за нашей встречей стоит история двух душ, переживших другие жизни. Говорят, пробуждение Безымянного уже началось. Я не знаю, спасу ли этот мир. Но я точно знаю: некоторые сердца созданы не для любви. А некоторые — слишком опасны, чтобы позволить им биться. «Пепел драконьего сердца» — история о любви, которая не обязана повторять прошлое, и о памяти, способной пережить смерть.

© Арден Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Металл помнит 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Рита Арден
Пепел драконьего сердца

Глава 1. Металл помнит

Глава 1. Металл помнит

POV: Анна

Металл никогда не молчит.

Люди просто разучились его слушать.

Анна впервые поняла это в четырнадцать лет, когда прикоснулась к серебряному браслету прабабушки и услышала женский смех.

Тогда она решила, что в соседней комнате кто-то разговаривает. Но дом был пуст. Только старые часы отсчитывали секунды, а на подоконнике покачивалась занавеска.

Смех повторился, когда она снова взяла браслет.

Позже выяснилось, что это была не единственная странность.

На старой медной пряжке из семейной коллекции она услышала звон колокольчиков и почувствовала запах конского пота. На найденной в земле монете — чей-то испуганный шёпот. А однажды, работая с серебряной ложкой XVIII века, неожиданно ощутила такую сильную тоску, что несколько минут не могла продолжать работу.

Самым неприятным оказался старинный кинжал, поступивший на реставрацию в музей.

При первом прикосновении Анна услышала короткий вскрик. При втором почувствовала резкую боль под рёбрами и едва не упала со стула.

Она тогда три дня не могла избавиться от ощущения чужой смерти.

Со временем Анна научилась различать обычные воспоминания металла и то, что она называла эмоциональным следом.

Не каждый предмет что-то показывал. Не каждый позволял услышать себя. Иногда это был лишь короткий звук, иногда запах, иногда чужое ощущение, не имевшее отношения к настоящему.

Она не могла выбирать воспоминания и не всегда понимала, кому они принадлежали.

Поэтому выработала несколько правил.

Не прикасаться к неизвестному предмету голыми руками без необходимости. Не пытаться повторно вызвать неприятное воспоминание. И никогда не принимать увиденное за исторический факт без подтверждений.

Последнее правило было особенно важным.

Анна была реставратором, а не медиумом.

По крайней мере, именно так она объясняла свою особенность окружающим.

Горный Алтай встретил её снегом.

Анна не рассчитывала увидеть его в середине сентября.

Когда самолёт заходил на посадку, она смотрела в иллюминатор на горные цепи, затянутые молочной дымкой. Между хребтами серебрились реки, в глубоких долинах темнели леса, а на вершинах лежали снежные шапки.

Через несколько часов она уже сидела в старом внедорожнике, который медленно пробирался по горной дороге.

— Первый раз в наших краях? — спросил водитель.

Мужчину звали Михаил. Он встретил Анну у районного музея и согласился отвезти её в Кара-Таш.

— На Алтае бывала. Но не здесь.

— Тогда многое ещё увидите.

Дорога петляла между склонами. Внизу шумела река, местами покрытая тонкой коркой льда.

Анна проверила телефон.

Одна полоска связи.

— Прекрасно. Значит, никто не сможет позвонить с вопросом, когда будет готов отчёт.

— А вы сюда отдыхать приехали?

— Работать.

— Тогда тем более. Здесь работа сама вас найдёт.

Анна улыбнулась.

Она ещё не знала, насколько пророческими окажутся эти слова.

Кара-Таш оказался небольшим поселением, прижавшимся к склону горы.

Несколько десятков домов, деревянные заборы, хозяйственные постройки, поленницы дров и узкие улицы. На окраине виднелись пастбища, за которыми начинался каменистый склон.

Дом Павла Семёновича Воронова стоял немного в стороне от остальных.

Двухэтажный, с потемневшими бревенчатыми стенами и покосившимся крыльцом. Одна сторона крыши просела, а на чердачном окне отсутствовало стекло.

— Мрачноватый, — заметила Анна.

— Хозяин тоже был человек своеобразный. Геолог. Полжизни по горам ходил, старые вещи собирал. Камни, оружие, железки. Мог часами над какой-нибудь ржавой штукой сидеть.

— Понимаю его.

Михаил усмехнулся.

— Вот и хорошо. Может, договоритесь.

У входа их встретила Надежда Ивановна — соседка, которая несколько лет присматривала за домом после смерти владельца.

— Молодая совсем, — сказала она, разглядывая Анну.

— Для некоторых работ это преимущество.

Женщина усмехнулась.

— Посмотрим.

Мастерская находилась в дальней части первого этажа.

Большая комната с двумя окнами, выходившими на склон. Вдоль стен стояли шкафы, стеллажи и рабочие столы. В углу темнел небольшой горн.

Даже после нескольких лет запустения помещение сохраняло следы прежнего порядка.

На стенах виднелись карандашные пометки. Возле стеллажей стояли ящики с надписями. Инструменты были разложены так, словно хозяин собирался вернуться к работе на следующий день.

Анна сразу заметила старый увеличительный прибор.

Она взяла его, проверила механизм и покрутила регулировочное колесо.

Хорошая вещь.

— Павел Семёнович сам здесь работал?

— Сам. Никому ничего трогать не разрешал. Даже пыль вытирать не давал.

— Почему?

— Говорил, что у каждой вещи своё место. И что металл помнит руки, которые его касались.

Анна перестала вращать колесо.

— Интересно он сказал.

— Вы тоже так считаете?

— Иногда.

Надежда Ивановна посмотрела на неё внимательнее, но ничего не ответила.

Металлический ящик обнаружили под полом мастерской.

Внутри лежали несколько предметов, обёрнутых плотной тканью. Среди них оказалась шашка в деревянных ножнах.

Именно она заинтересовала районный музей.

Анна достала её из футляра и положила на подготовленную поверхность.

Первым делом сделала фотографии.

Общий вид. Рукоять. Ножны. Основание клинка. Отдельно — каждый участок с повреждениями и необычными деталями.

Затем внесла предмет в рабочий журнал и записала предварительные измерения.

Шашка была узкой, слегка изогнутой, с необычной геометрией клинка. Рукоять украшала серебряная насечка. На ножнах сохранился сложный орнамент.

Внешне оружие напоминало кавказские образцы, но некоторые детали не соответствовали известным ей технологиям.

Особенно странным было состояние металла.

На нём практически отсутствовала привычная коррозия, хотя остальные предметы из ящика заметно пострадали от сырости.

Анна надела перчатки и приблизила лампу.

На поверхности проступал глубокий графитовый оттенок с едва заметным золотистым отливом.

Она изменила угол освещения.

И увидела знак.

Возле основания клинка находился небольшой круг, образованный тремя тонкими линиями. В центре — ромб, напоминающий каплю расплавленного золота.

Анна открыла увеличительную оптику.

Знак не был похож на обычную гравировку. Линии словно находились внутри металла.

Она ещё раз сфотографировала участок с масштабной линейкой и добавила снимки в рабочую папку.

Затем сняла перчатку и осторожно коснулась рукояти.

Сначала ничего не произошло.

Потом в голове прозвучал глухой удар.

Анна замерла.

Второй.

Третий.

И запах.

Раскалённое железо, угольный дым, пот.

Она увидела кузницу.

Каменные стены, красное пламя и силуэт мужчины возле наковальни. Его руки держали раскалённую заготовку.

Мужчина что-то произнёс на незнакомом языке.

Анна резко отняла руку.

Видение исчезло.

Она несколько секунд сидела неподвижно.

— Вот это уже интересно.

В рабочем журнале появилась новая запись:

«При контакте с рукоятью возник кратковременный слуховой и обонятельный образ. Не исключено влияние усталости».

Последнюю фразу она добавила скорее по привычке.

Она знала, что никто не поверит её настоящему объяснению.

К вечеру за окнами окончательно стемнело.

Надежда Ивановна принесла чай и домашние пироги.

— Не задерживайтесь сегодня.

— Постараюсь.

— И на второй этаж ночью не ходите.

Анна подняла глаза.

— Почему?

— Лестница старая. А чердак вообще лучше не трогать.

— Там что-то есть?

Женщина помедлила.

— Не знаю. Только Павел Семёнович иногда говорил, что в доме бывают звуки, которых не должно быть.

Анна едва заметно улыбнулась.

— Старое дерево, ветер, перепады температуры. Дом живёт своей жизнью.

— Может быть.

Надежда Ивановна поставила чашку на стол.

— Только если услышите, будто кто-то зовёт, не отвечайте.

Анна посмотрела на неё.

Женщина уже направлялась к двери.

— Спокойной ночи.

Анна вернулась к шашке.

Она собиралась закончить первичное обследование и утром отправить фотографии в музей.

На столе лежали инструменты, рабочий журнал и телефон с открытой папкой снимков.

Она ещё раз посмотрела на символ.

Странно.

Ни одного совпадения.

Анна приблизила фотографию, увеличила контрастность, затем сравнила её с изображениями старинных клейм.

Ничего.

Она откинулась на спинку стула и потёрла переносицу.

Глаза устали.

Пора было заканчивать.

Анна сняла перчатки, потянулась за блокнотом и случайно задела металлическую подставку.

Та соскользнула со стола.

Анна попыталась поймать её, но острый край полоснул по ладони.

— Чёрт!

Небольшая капля крови упала на клинок.

И исчезла.

Анна застыла.

Она успела заметить, как тёмная поверхность словно втянула каплю внутрь.

Затем символ вспыхнул.

Не отражённым светом.

Изнутри.

Анна отшатнулась.

На поверхности шашки начали проступать тонкие золотистые линии. Они расходились от знака, складываясь в незнакомые письмена.

Лампа мигнула.

Вторая тоже.

А затем в мастерской стало темно.

Анна схватила телефон.

Фонарик включился не сразу. Пальцы плохо слушались.

Узкий луч света выхватил верстак, шкаф с инструментами и шашку.

Она лежала на прежнем месте.

Но символ продолжал светиться.

Один… Два…Три…

Затем из клинка донёсся звук.

Не звон.

Не скрип.

Вздох.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Что за…

Металл поднялся над полотном.

Сам.

Телефон выскользнул из её руки и упал на пол.

На мгновение Анна увидела в темноте огромный золотой глаз с вертикальным зрачком.

Затем пришёл голос.

“Наконец-то”.

Он прозвучал прямо в её сознании.

Анна попыталась отступить.

Но ноги не слушались.

Перед глазами возник огромный каменный зал. Высокие колонны, разрушенные лестницы, чёрные плиты, покрытые пеплом.

В центре лежало существо.

Огромное.

Его тело напоминало металлический скелет, а между чёрными пластинами чешуи мерцал золотой свет.

Дракон.

Анна никогда не видела ничего подобного даже в самых подробных изображениях мифологических существ.

Он был настолько велик, что его расправленное крыло могло бы накрыть целую улицу.

И всё же он выглядел не могущественным.

Он выглядел мёртвым.

Вокруг стояли люди.

Некоторые плакали.

Один из них опустился на колени.

— Мы не смогли тебя спасти.

Анна попыталась отвести взгляд.

Но видение продолжалось.

В глубине зала появилась женщина в сером одеянии. Она держала металлический круг с тем же знаком, который горел на клинке.

— Когда печать ослабнет, он услышит зов, — произнесла женщина.

Затем посмотрела прямо на Анну.

— И тот, кто вернётся, должен будет сделать выбор.

— Какой выбор? — прошептала Анна.

Женщина не ответила.

Вместо этого произнесла:

— Не позволяй ему вспомнить.

Вспышка.

Резкая боль.

Анна почувствовала, как что-то схватило её за запястье.

И услышала другой голос.

Мужской.

Низкий, хриплый, с неожиданно раздражённой интонацией.

— Великолепно. Ещё одна проблема.

Пол под ногами дрогнул.

Анна попыталась ухватиться за стол.

В этот момент её сердце болезненно сжалось.

Она почувствовала удар.

Потом второй.

Третий.

Слишком медленные.

Слишком тяжёлые.

В голове возникло странное ощущение, будто кто-то огромный пытался вдохнуть после очень долгого сна.

Анна посмотрела на шашку.

Золотые линии теперь покрывали почти весь клинок.

Она попыталась произнести хоть слово.

Не получилось.

Последнее, что увидела, — золотой глаз, открывающийся в темноте.

А затем её сердце остановилось.

Первое, что Анна почувствовала после возвращения сознания, — боль.

Второе — запах.

Сырой камень, пепел и перегретое железо.

Она открыла глаза.

Над ней нависал свод огромного помещения. Каменные рёбра потолка уходили в темноту, а между ними свисали цепи, покрытые толстым слоем серой пыли.

Анна лежала на круглом каменном возвышении.

Под спиной ощущались глубокие борозды, образующие сложный узор.

Она медленно приподнялась.

Голова гудела.

— Нет…

Она огляделась.

Никакой мастерской.

Никаких окон.

Никакого верстака.

Только древний зал, каменные стены и бесконечная тишина.

Анна проверила карманы.

Телефона не было.

Ключей тоже.

Она посмотрела на ладони.

Кожу покрывал чёрный налёт. Не грязь и не сажа. Мелкие частицы словно вросли в неё, образовав тонкую металлическую плёнку.

На правой ладони светился золотой символ.

Тот самый.

Анна попыталась стереть его.

Бесполезно.

Она посмотрела на свои руки и вдруг поняла, что больше никогда не сможет вернуться в мастерскую, закончить отчёт, позвонить подруге и услышать привычное ворчание матери.

Если всё произошедшее не было галлюцинацией.

Если она действительно умерла.

Анна медленно опустилась на каменный пол.

Её начало трясти.

Она закрыла лицо руками.

— Нет. Нет, пожалуйста…

Впервые за долгое время ей стало по-настоящему страшно.

Не от древнего зала.

Не от дракона.

От мысли, что всё знакомое осталось где-то за пределами этого места.

Что больше не будет привычного утреннего кофе, случайных сообщений, рабочих споров, обычной московской зимы.

Что она больше никогда не увидит людей, которых любила.

Она сидела так несколько минут.

Потом вытерла лицо рукавом.

Плакать можно было позже.

Сейчас требовалось понять, где она находится и что с ней произошло.

Анна поднялась.

Каменный пол оказался холодным. На стенах виднелись выцветшие фрески.

Одна изображала город, построенный внутри горы. Башни, мосты, широкие лестницы и металлические конструкции, соединённые между собой тонкими линиями.

Над городом парили драконы.

На другой фреске было изображено огромное существо, лежащее среди разрушенных колонн.

Его тело покрывала чёрная каменная чешуя.

Вокруг стояли люди.

Они не сражались с ним.

Они оплакивали его.

Анна приблизила руку к стене.

И услышала.

Не звук.

Чужое воспоминание.

Огромный город, охваченный золотым пламенем. Люди бегут по каменным мостам. Над ними поднимаются чёрные облака.

Дракон стоит посреди разрушений.

Он не пытается спастись.

Он опускает голову и добровольно входит в центр металлического круга.

Его тело начинает покрываться камнем.

Сначала лапы.

Затем грудь.

Потом шея и крылья.

Но золотой свет внутри него не гаснет.

Я удержу его. Пока сердце моё бьётся, он не выйдет.

Анна резко отняла руку.

Она уже понимала: это не просто изображения.

Стены помнили.

В центре зала находилась массивная дверь.

Её створки были покрыты рунами и запечатаны металлическими полосами.

Рядом располагалась сложная конструкция из тёмного сплава. Тонкие металлические жилы уходили в пол, стены и потолок.

Анна осторожно приблизилась.

На поверхности одной из жил виднелась трещина.

Она присела.

Профессиональная привычка снова оказалась сильнее страха.

Повреждение было необычным. Металл словно потерял часть своей структуры, а края трещины покрывал чёрный налёт.

Анна коснулась поверхности.

И увидела сеть.

Сотни золотистых линий соединялись между собой, образуя сложный механизм. Одни передавали движение, другие — тепло, третьи поддерживали что-то огромное, находившееся глубоко под землёй.

В центре находилось сердце.

Оно было заключено в металл.

Анна почувствовала, что линии постепенно гаснут.

Одна.

Вторая.

Третья.

Всё больше связей обрывалось.

Она отдёрнула руку.

— Так. Значит, это не просто храм.

Слова прозвучали в пустоте.

Но теперь она понимала, что находится внутри огромной системы.

И что система повреждена.

Анна снова посмотрела на трещину.

Она не собиралась ничего исправлять.

Но её ладонь словно сама потянулась к повреждённому участку.

Чёрные частицы на коже начали осыпаться.

Они не падали на пол.

Мелкие металлические крупинки втягивались в трещину.

Анна попыталась отнять руку.

Не смогла.

Золотые линии на стенах вспыхнули.

Сначала одна.

Затем другая.

Потом весь зал наполнился мягким светом.

Где-то глубоко под камнем раздался удар.

Анна почувствовала чужую боль.

Не человеческую.

Огромную.

Тяжёлую.

Такую, что её невозможно было вместить в одном теле.

Она услышала треск камня.

Грохот цепей.

И звук, похожий на первый вдох после многовекового молчания.

Где-то под святилищем проснулось сердце.

Тук. Тук. Тук.

Металлические жилы на стенах вспыхнули золотом. Анна упала на каменный пол. Её ладони горели. Чёрная металлическая плёнка поднималась по запястьям, словно тонкие тёмные нити. Она попыталась подняться, но ноги не слушались. И тогда услышала голос.

Он пришёл из самой глубины горы.

“Анна”.

Она замерла.

Никто здесь не мог знать её имени.

— Кто ты?

Долгое молчание.

Затем голос ответил:

“Астерион”.

В его голосе не было ни величия, ни торжественности. Только усталость. Такая глубокая, будто само время оставило в нём свой след.

“Ты восстановила связь”.

— Я ничего не делала.

“Это обычно говорят те, кто уже всё испортил”.

Анна невольно посмотрела на повреждённую конструкцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.